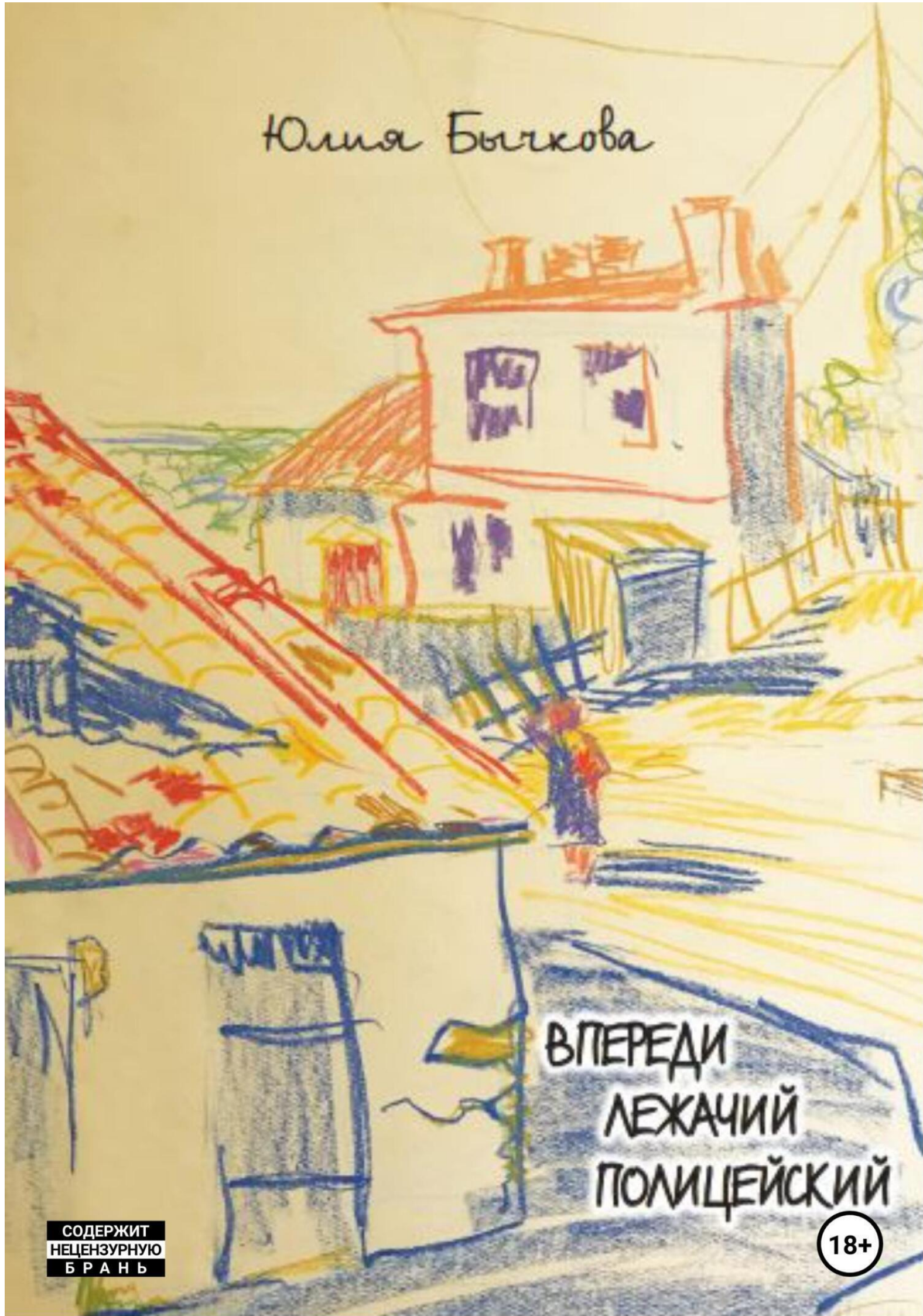

Юлия Бычкова

ВПЕРЕДИ
ЛЕЖАЧИЙ
ПОЛИЦЕЙСКИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Бычкова

Впереди лежащий полицейский

«Автор»

2022

Бычкова Ю.

Впереди лежащий полицейский / Ю. Бычкова — «Автор», 2022

В этом экспериментальном сборнике все средства понятны - монологи, исповеди, любовные письма, цитирование стихов и точные придирчивые описания, с жадностью воспевающие всю плотность красок окружающей сумасшедшей современности. Эти рассказы брызжут живой энергией и уверенным знанием реалий, удивляя и конкретикой, и абсурдизмом одновременно, добываемым из наблюдательности и художественного вымысла – будь то прогулка по Катманду, кабинетная глупость образцовых начальников или взлом почтового ящика давнего друга. Легкость стиля, аккуратное отношение к слову – всё здесь выписывается набело и без нажима, незаметно разворачивая декларациями основные вопросы к думающему человеку. Возможно, только так, эстетически распознавая и оценивая разное, человек (традиционно называемый в литературе маленьким) сохранит веру в свою религиозность.

© Бычкова Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Цикл «Белым по чёрному»	5
Перспектива лохматого зайца	5
Чистая вода	9
С вашего позволения, я – Дороти	13
Подрыв кадра	18
Память	21
Порядок вещей, или Впереди лежащий полицейский	22
Возвращение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юлия Бычкова

Впереди лежащий полицейский

Цикл «Белым по чёрному»

Перспектива лохматого зайца

О боже, дрянь! Надень перчатки, прежде чем рыться в моих преосвященных вещах, прежде чем копать в моих конец каких золотых приисках лабутенов и, еб* его, лавендуччи и говносруччи. Вы будете отделяться, а я – отделять. Перчатки нужны, чтобы не пачкать мои чудодейственные вещи вашими бедными таможенными руками. Итак, отделить вас от моего гнева и от моих самолётов, как их там называют, небесных лайнеров, от моей дрянной золушки, воспитанной на преодолении обыкновенной судьбы и примитивной надежды. Я всё ещё думаю, что я – избранная дива, прилетевшая из Америки, Аргентины и Антарктиды командовать, никому не прощая вольности. Да, у меня тоже есть начальники – европейцы, эти тупые ебурки, они так же, как и я, думают, что вы все тут креветки глупенькие, существуете с памятью две секунды, однако я от них завишу, поэтому их уважаю, хоть они и строго-настроено запретили проявлять инициативу в чём бы то ни было и особенно передавать исходные коды, ибо нефига размандюкивать имущественные и другие права праведных акционеров. И ещё нам не следует заниматься коррупцией за зарплату и вообще ничего делать бесплатно. Ведь так устроен этот свет. Хотя не понимаю, почему бесплатно, нас за это крепко накормят в ресторанчике, вероятно, и напоят крепко...

Короче, я – гениальная, дайте мне грамоту и ещё больше денег, ведь это я придумала не передавать коды, а просто показать их на большом таком экране, как хотели наши партнёры. Ну как же это весело, как, заебись, грандиозно обманывать самих себя: берёшь и жёстко пореешь полное фуфло, но так, чтоб самой себе поверить! Провести все свои дальние дали, что есть, называется совесть, – вот она, цель. А Европа не догадается. И даже обломись чего-то этим нашим мальчикам, которые генералы в чести и без царя в голове, русская мафия, матюгающаяся по какому-то праву постоянно, они же не будут против. Ибо ведь они не зря ходят по карьерной лестнице, щедро покрытой жирным слоем льда, похожим на сахарную глазурь, присыпанную снежком новогодним, отчего ступеньки источают мозгосотрясающий страх и зубодробильную боль, питаюсь скользкой любовью к деньгам и наслаждением упоительной силой власти. Это страшные черти их манят вверх, назойливые и дерзкие, оказывая всякие почести, очаровывают обещаниями, прикармливают карпаччо и севиче из сырой рыбки – ах, как там её стряпают, трудно даже запомнить; угощают тончайшим прозрачно порезанным салыцем и севрюжкой на гриле. Всё чинно, это вам не икра кабачковая с нижней полки супермаркета. Хотя, если приправить майонезом и чесночком, с хорошим настроением намазанная на горбушку чёрного и она бывает вполне себе очень, так слюнки и потекут. И да – лестница эта совсем без перил. А вы как хотели? Дьявольская сила работает не только вверх, но и вниз, и в стороны. Все Демиурги ночные, ваши друзья с прищуром, всех ведьм отслеживают тщательно – согласно договору. Пусть хотя бы и с напускным добродушием, но лёд нужно содержать в идеально скользком состоянии, необходимом для колдовства, чтоб был порядок – происходила смена времён года, а челядь помалкивала. Чтоб неудачники регулярно сыпались вниз, кто помощнее – выползали выше, впиваясь ногтями, ломая их больно, преодолевая унижение и ужас, и всё такое, и так далее, пролезая однажды на самый что ни на есть высший верх. Право слово, перспективная эта штука – любовь, а любовь к деньгам тем более!

Всем добрым компаньонам и собутыльникам про ледяную лестницу также хорошо известно, потому пусть прильнут лбами к экрану – увидят свои исходники, им, конечно, просто нужна стратегия, до которой им, тупым, догадаться сложно, но здесь это вслух произносить не стоило, и шарах, хитроумные, сделайте лица попроще – мы ничего не передавали, а вы, твари, ничего не видели. Просто тупо, как последние незнайки из солнечного города, – взяли и случайно собрались на семинар и совершенно неожиданно включили на экране исходные коды вместе с архитектурой – вот, лунатики, гляньте, вы ведь не способны врубиться, что за чем было построено. Эти блоки маршрутизации, такие прочные, и как они во времени-пространстве существуют самостоятельно и гармонично... Правда же офигенно! И тут гневные вскрики: «А кого мы хотели наебать?!» Да никого, товарищи, просто передали секреты и денег за это не взяли (всем говорим, что не взяли). Да что там деньги, мы только любим своё дело, себя, и полёты наяву, и свою покупательную способность, и себя, и способность, и себя, и себя, а потому что мы онанисты-капиталисты, мы – бессовестные мошенники, всем вам классовые враги, владельцы всего, что есть в этом здании, и даже в клозете. Известное дело, вы бы посетили и другой такой клозет, но вакантной возможности, увы, нет. Итак, мы будем говорить, что это наше дерьмо, ведь вы пользуетесь корпоративной туалетной бумагой, купленной на наши «сранные» евро-деньги! И да, это правда, «деньги» – лучше это слово произнести негромко, ну его на фиг. Ведь, когда всё не очень заебись, можно в них тайно купаться и достигать общего улучшения изобильным питанием. Приятного аппетита, пока ваше хреновое, но честное резюме не рассмотрел кто-то другой!

В общем, когда настала роковая дата, этот гениальный чел заболел. Сказал, что не выйдет на работу, но многое в его уникальной голове пока ещё наличествует, естественно, пока он жив, даже если он и болен. Нет, он не чародей, и он не стремился обеспечивать себе преимущество, но компьютерный код был известен только ему. Вот и всё. И когда был назначен день этого важного семинара, постепенно переходящего в конгресс, а затем и в межконтинентальный симпозиум, и должны были съехаться все заинтересованные руководители и эксперты из Тулы, Нижнего и Питера, и даже, может быть, Новосиба, как вдруг он, по правде говоря, мучаясь совестью и с большим трудом договариваясь со своими внутренними предателями, вдруг сильно заболел, не выдержал и подхватил пневмонию, ибо любил всегда поступать справедливо и не передавать даром то, что нажито непосильным трудом. Как бы это назвать с должным пафосом... не разбазаривать всё, на что ушли лучшие годы, лучшие силы, даже если он об этом тогда и не подозревал.

Примечательно, что кто-то очень хитрый и борзый получит за эту неоднозначную сделку конкретные осязаемые привилегии, смысл которых до сих пор держится в большом секрете. И это явно не столонная прибавка к жалованью, иначе бы они так сильно не бились, не упростились.

И вот ситуация: это дерьмо вроде бы его, архитектора, не касается, однако чем больше оно его не касается, тем сильнее разъедает внутри что-то важное, сущностное и, может быть, даже абсолютное, что-то такое скрытое, бессознательное и настоящее, как день рождения, как резкую тень на стене от твоей руки в лучах закатного солнца, и всё то, что делает тебя человеком, создателем, даже новатором и, можно сказать, свободным мыслителем и творцом, подобным богу – такому богу, который никого не боится и творит, потому что не может не творить, и создаёт всё вокруг себя, потому что счастлив видеть, как получается лучший из миров. Где-то оно так и есть, не слишком постоянно, но, в сущности, так и есть. А они, сатанинские отродья, могли бы жить в изрядном достатке, не зазнаваясь, но нет, их изменчивые, но твёрдые жизненные правила требуют не забывать о благотворном разнообразии и собственной выгоде в быту, поэтому для жалких душонок всегда говорится, что нет ничего важнее подчинения, и добавляют жёстко так: «Не было бы нас – не было бы вас». И это на полном серьёзе! Такая игра

очень развивает их величие, главное, не выходить за пределы высоких моральных амбиций, широких, но узких интересов родной группы. А победителей не осудят.

А дива, та, что с перчатками, предчувствуя нехорошее, потребовала срочно поднять на уши районную поликлинику и проверить «факт грубого саботажа», правда ли «этот подлец» болен или только купил больничный лист в переходе метро и сидит где-нибудь греется на солнце. Затем она даже сделала несколько контрольных звонков с угрозами, дабы все вовлечённые хорошенько испугались «вылететь», как она выразилась, «по статье».

– Придёт время, я с вами покончу! Вы сами мне всё расскажете!

И они, конечно, пугались, и даже те, кто в компьютерных кодах ничего не понимал. Ведь она очень грозно требовала, орала, как настоящий полковник, в жопу раненный, сведя на нет все свои нравственные качества, но это её вообще не смущало, поскольку поорать она очень любила, и малая группа из крупных шефов была не против. А те, испугавшиеся, пытались смягчить её гнев, очень по-доброму сказали:

– Столько шума из ничего! Да покажет он этот код. Жалко, что ли?

Так не хочется ссориться с глупой бабой, ведь и у самой дурной из них найдутся качества, полезные для мужчины, этого отрицать никак нельзя. Так они хитро думали, масляно улыбаясь, но вслух не сказали, потому что это была солидная компания. И именно в этом году она получила *даже* мировое признание на каком-то там *рынке*. Это ведь что-то да значит! Без сомнений. Это явно о многом говорит!

Но тут намеки лучше оставить, лишь бы выйти из этой переделки с достоинством. Не ровён час, дива снова разгневается, начнёт «мыть» письма и кидаться чем под руку попаало. Ведь она моралистка, из тех, что только для вида торгуют добрым именем, так запросто, словно имбирем, а по ночам, чует сердце, может совершить даже что-то незаконное, так, для благодати... А потом с утра снова сражаться с карьерной лестницей, не видя ничего лучше такой судьбы. И для поддержания суперстатуса постоянно увеличивая покупательную способность, день ото дня и каждый вечер удваивать объёмы покупок и получаемых услуг. Она всенепременно должна была приобретать ещё больше вещей – обоев, кондиционеров, пошлых маленьких, но неприлично дорогих сумок, больших и тяжёлых автомобилей, труб, кирпичей и тёплых полов, стометровых квартир с шестом для стриптизов в просторной прихожей, много обуви и резиновых щёточек для ухода за ней, и прочих мелких знаков отличия, и далее, и по новой в таком стиле... Такая вот дурная бесконечность – словно проклятье.

А он, предаваясь философским размышлениям, благо времени на это было полно, никак не мог понять, как это они так легко, будто бы даже естественно, делят всё пополам по двоичному принципу, а по сути – грабят, даже грабастают. Куда взгляд ни кинь – наши и ваши, лояльные и чужие, и почему-то кругом правы только те, у кого власть и кто в эту власть пылко влюблён, а остальные – автоматически беззащитны, их держат на поводке, чтобы ими прикрыться и затем выкинуть после дела. И это, с позволения сказать, в общественном договоре широко распространено, и будто бы это так и надо!.. Может, мы сами виноваты, что подчиняемся любой глупости, если она звучит уверенно? Может, кто на кого учился, тот так и живёт, а точнее сказать, кто кем родился? Ведь всякая тварь развивается сообразно своей природе, как бы сказал Дарвин. Или не Дарвин?.. Но это имя звучит здесь абсолютно уместно.

Архитектор закрыл глаза и незаметно для самого себя уснул от непреодолимой усталости. Плавно, как в лифте, погружаясь куда-то глубоко, он увидел такой сон, словно бы обнаружил себя одиноким Робинзоном на острове. Сначала он стоял и долго всматривался вдаль, наблюдая, как беззаботно мерцает апельсиновое солнце в воде, затем он медленно брёл вдоль берега. Под ногами хрустел тёплый песок, высоченные деревья слева приветственно махали ветвями, словно сказочными руками, вскидывая их по очереди, в том порядке, в каком он к

ним приближался. И голубой ветер шумел изо всех сил, издавая звук: «Привееееет!» И ему вдруг стало очень хорошо, оттого что этот пустынный берег оказался таким наполненным и гостеприимным. «Так, выходит, вы меня ждали?!» И он тоже помахал рукой, и почувствовал трогательную такую любовь к этим деревьям, и к ветру, и к морю, такое забытое переживание, будто что-то сжалось в груди, как когда он спустя тридцать лет нашёл в родительском доме собственную смешную игрушку – лохматого зайца и две поделки – вышитую «назад иголкой» голубую салфетку с одним цветком и надписью детскими буквами «маме» и кривой деревянный брусок в виде треугольной призмы с выжженным домиком и надписью «папе» на модном тогда аппарате для детского творчества, который раскалялся докрасна, и тогда от деревяшки струился едкий дымок. От него щекотало в носу, деревяшка оплавлялась и чернела. И от этого сжатия в груди всё становилось таким родным, таким, что невозможно было объяснить, как получилось, что эти трогательные вещи были преданы. Как?.. А если бы он забрал их в город, это бы выглядело крайне нелепо, и потом, меняя квартиры и города, никогда бы их не сохранил. А они... почему они всё равно остаются, эти напоминания из того ясного времени, когда твоя уже крепкая мужская рука ещё принадлежала милому шестилетнему мальчику?

Так он долго брёл, проваливаясь ногами в песок, и вдруг понял, что стал одним целым вместе с природой, дыша одним воздухом, наполняясь общим настроением, будто кто-то главный напомнил ему, как же всё вокруг на самом деле едино и потому божественно. Ведь если бы вещи в нашем мире возникали каждая сама по себе самостоятельно и бессвязно, то никогда бы они так хорошо не сочетались и не уравнивали друг друга. Всё выглядело бы подобно залежавшимся товарам в заброшенном магазине. А здесь ведь всё *едино*! Значит, ты никогда больше не будешь таким, как прежде, – брошенным или, как бывало, одиноким! Ты станешь цельным, огромным, как этот берег, как мир, в перекличке повторяя всю его сложную красоту. Хотя это ошибочно, думать, что ты станешь, ведь ты им и раньше был – подлинным, непритуманным, когда родился, рос, бегал с друзьями, весь пропитанный зелёными и оранжевыми бликами, морским бризом, радужными птичками и музыкой. Как радовался, получив в подарок лохматого зайца, разговаривал с ним, как с другом, да и с деревьями ты тоже любил разговаривать. Ведь это же так естественно.

И тут архитектор, наполненный этим новым восторгом, вдруг понял, что слишком давно он не был таким живым, неделимым и таким искрящимся, и ему захотелось петь прямо во сне, раздавая энергию повсеместно. «Па-ба-ба-баам!» – запел он Бетховена, и сам от своего голоса проснулся. Сколько длился этот сон, минуту или час, неизвестно, но он почувствовал себя отдохнувшим и здоровым.

Он открыл глаза и вдруг понял: «Так что же получается, когда потеряно всё, кроме чести, ничего не потеряно?!»

Он спокойно решил, что, в конце концов, уволиться можно всегда, не теряя самообладания. Это, как и смерть, даётся даром. Когда пробил час, через неделю гений уволился, а исходные коды остались в его голове.

2016 г.

Чистая вода

В центре улицы красовалась длинная аллея кожистых нежно-розовых олеандров в цвету – поразительная цветочная легкость, хоть они были выше домов, элегантно прижимаясь к тротуару, словно они садовые розы, а не деревья. Велизи настолько зеленый и воздушный, будто ты находишься в каком-то парке, и поблизости море, окутывающее улицы удивительным соленым перемешку с хвоей ароматом. Наконец-то можно дышать.

Утром захотелось пойти пешком, даже несмотря на проливной дождь. Трамвай долго не появлялся, небо замерло бетонно-хмурым. У них на остановках всегда обозначено время, сколько тебе ждать: минут пять или шесть, умеренно, не более, чтобы выкурить сигарету или побыть с собой ранёхонько – вспомнить какую-нибудь глупость, как ночной сон, что всегда хочет быстрее забыться. В прошлый раз мы были приглашены на «званный» ужин в одной простой, но приличной по местным меркам пиццерии – здесь недалеко на широком перекрестке. Странное сочетание окраинной заурядности с невозможностью отказаться от мысли, ты же в Париже, всё равно в Париже. Поразительные местные порядки, когда начальница настаивала на ужине, задолго заказав столик на один из вечеров нашего приезда, но не выбрала себе в меню ничего, разве что чистой воды. Мы сидели впятером и пили неизменное Бордо. Через некоторое время принесли большие тарелки с горячими салатами, а она вдруг сказала, что муж без нее не сядет ужинать, есть она ничего не будет, и пить тоже, потому что за рулём. Французская притязательность. Выждав еще чуть-чуть, примерно через час извинилась и ушла, шепнув с краю стола, что заплатит за одну бутылку вина. Ужин. Муж. Он её не поймет. Но теперь поймёт, но не поймём мы. Культурная чехарда. Мне это показалось крайне необычным, но коллеги сказали – всё по-французски естественно, то есть в норме и по этикету. «Не парься»: relax.

Я прошла остановку мимо, где стояли двое – один чернокожий, другой чернявый худой, типично французский флегматик, глаза вцепились в асфальт, а в них страх. Они оба сильно как-то страдали – в юных лицах такая фрустрация, тоска и уныние: работяги в восемь утра обдумывают свою неблагодарную работу на ближайшие пятьдесят лет или клерки представляют ненавистное совещание и аудит. Но, скорей, они больше похожи на работяг, причём с разных строительных объектов одинаково больших и пугающих, таких знакомых, что походят на московскую экспансию, так сильно поглощающую любого маленького горожанина, что хочется уйти от них поскорее прочь. Ну, его, своего хватает. Тут тоска какая-то незнакомая.

Мое путешествие началось вчера – когда я заплутала на станции метро Гар дю Нор – узкие ступеньки на платформу вниз словно в запретные подвалы, плохо читаемые мелкие вывески, темень повсюду и огромное количество чёрных лиц, как в Африке, точно в самой Африке только такое и возможно. Это надо было поезду вдруг остановиться: «поезд дальше не пойдет»! Я направлялась на самый юг, с пересадкой на Сен-Мишель, там, за рекой, а потом мимо Д'Орсе, мимо Ренуара и Эдгара Дэга. Гар дю Нор, как мне потом сказали местные, это просто исчадие, «ты попала в самое пекло, хуже трудно придумать». А я сказала, да не так уж там было ужасно, был белый день, пока я перепрыгивала через узкие ступеньки переходов, почему-то думая про черных балерин из музея Д'Орсе, как я неуклюже взлетаю с рюкзаком и комьютером *Grand temps leve passe*. И о том, кто же меня больше привлекает, Сезанн или Ренуар (ответ неочевиден, но Сезанн). Не сразу, все же я нашла нужный поезд, ощутив маленькую победу. И отправилась дальше, когда было ровно двенадцать, подумав, вот оно самое время погулять по Парижу, подняться на башню, потом доехать туристической дорогой до Версаля, где по расписанию кажется около пяти, обещают светомузыкальное шоу. Но одной всё же ездить в тематические места рискованно только потому, что ты можешь неожиданно

поменять маршрут, ни с кем не согласовывая, даже не обсуждая. И Гар дю Нор в мои планы не входил, только погрузил в фрустрацию, пока погода за окном уверенно портилась. Тучи сгустились совсем низко, заморосил прохладный дождь и всё пошло не так. У башни Эйфеля была беспросветная стройка: заборы и перекопанные тротуары, не подойти. Кругом назойливые чёрные с сувенирным хламом, так, что башня мне даже показалась какой-то уставшей, придавленной мрачным туманом. Сделав круг по другому берегу, и по старинному мосту Бир-Хакейм, я вдруг подумала, а ведь это тот мост, где снимался фильм «Последнее танго...», там, где они расходились вдоль тяжелых колонн с отливом зеленой меди, она была в фетровой шляпе с цветками и белом пальто, он – красивый такой, взъерошенный. Знакомое место... и самая запоминающаяся кино галерея. Я всё думала, как это странно, что недавно будто также случайно пересматривала Бертолуччи, но неужели Мари и Марлон они могли здесь так же, как я гулять.... Это чувство родом оттуда, будто Париж торжественно-долгожданный, даже будто хорошо знакомый. Я остановилась оглядеться, мимо промелькнул черный велосипедист, я обернулась в его сторону. И если дальше пройти туда мимо Ситэ до острова Сен-Луи – там, где на мысе расположился зеленый сквер из рассказа Хулио Кортасара «Слюни дьявола». То там... Наверно такая же была праздная прогулка с фотоаппаратом на шее, о которой позднее Антониони снял свой шедевр *Blow up*, переместив, правда, действие в Лондон.

Потом он все же разразился – сильный майский дождь, мне пришлось спуститься в метро, ошибиться и уехать не на том поезде. За границей этот неприятный номер случается часто, если ты не знаешь названия последней станции по ветке движения. А ты его точно не знаешь. Этот ехал в Сен-Дени. Но я не сразу поняла в чём подвох: пустой поезд, ни одного туриста, да ещё повернул за реку, изящно так втиснулся в узкий просвет между домами на другом берегу.

Для нашего человека это так просто – сесть, не глядя в поезд метро, которого ты ждёшь двадцать минут, и он никуда не свернёт. Но мне пришлось возвращаться; и снова долгое ожидание в пустом холле, где метро без стен и вообще без холла. Я на станции Авеню дю Президент Кенеди, с ударением на последнем слоге, как тут принято, какие-то катакомбы под старым мостом, холодный пустой тоннель, такая станция – без станции. Железобетонные колонны, небрежно расписанные краской из баллончиков – не мудрено, тут даже служащих нет, не метро, а брошенный промобъект для киносъемок. Что это за место такое.... Я сидела совсем одна на пластиковом сиденье без спинки, одно слово – неловкость. Вспомнила про мою тётку из деревни. Как-то они с подругой приехали в Париж туристками. И у неё около башни выхватили сумку с плеча, она пыталась её силой удержать. Грабитель несколько метров протащил её по асфальту, но все же, вырвав сумку, убежал. Тогда они отправились в полицию, на допросе через переводчика им говорят: опишите. И тут они сильно задумались – как описать убегающего чёрного? Она много лет и до сих пор разводит руками, вспоминая со смехом эту криминальную историю: «Вот ведь, как его можно описать? Негра и негра.» Сумку вернули через несколько часов без потерь. Им пришлось только полдня провести в участке, отказавшись от некоторых экскурсий.

Наконец, пришёл мой двухэтажный поезд на Версаль – чуть более удобный, в таких всегда есть искрящиеся любовью к прекрасному туристы, «фотики» на шее как в Фотоувеличении, и лица заинтересованные. Заинтересованные в Париже.

Дождь пошёл ещё сильнее. Я села в электричку, в предвкушении длинной дороги от старинной станции Версаля до желтого Версальского дворца. Представила большую площадь с автобусами, вулканических пород массивную брусчатку под ногами и опять эти назойливые чёрные с сувенирным мусором – «мадам бонжууур, бонжууур мадам». Из всего этого загородного пейзажа, я бы хотела снова увидеть торжественную аллею гиганских платанов. Она растянулась на несколько километров на подъезде к Дворцовой площади, так что по дороге ты заранее начинаешь превращаться в кого-то большого и важного. Если есть сомнения, что деревья оживляют, нужно проехать по этой аллее на чём угодно, хоть на драндулете, вы почувству-

ете себя королевской особой – уважаемой фигурой. Их будто вырастили для вас, выращивали последние двести лет, когда еще вас и не было, не было ни ваших тёток, ни дедушек никаких – вот такая исключительность! А что, если вдруг они и были для тебя посажены? Сегодня это будто для тебя. Они волшебные, не наш лес, они огромные – как три русских дерева одно над другим. Стволы серо-пятнистые с зеленовато-ботолтным гляncем, как шкуры больших животных. Они точно живые.

У ворот Версаля толпилась полиция, парк оказался в это воскресенье закрыт. Я должна ехать в Везизи, раз уж ничего не сходится. Сначала на автобусе, затем на длинном трамвае, ожидая каждого дольше прежнего – бывает такое от отчаяния, когда знаешь, что, например ты теряешь время в пробке – хоть пару часов, а день как-то автоматически летит под откос. Хотя можно было вызвать Uber, а там в белом-белом Renault мог бы быть болтливый маленький алжирец – пятьсот слов в минуту, или лучше грациозный черный с грустным взглядом и тонкими изящно изогнутыми пальцами на баранке, ни слова по-английски.

А «вечер никак не наступал» – это фраза Кортасара. В трамвае внимательный русский пассажир подсказал, дорогу к моему отелю. Я очень удивилась, что он понял по мне, что я не «бонжур мадам». А он так страстно моргал, когда мы проезжали мимо вывесок и множественных нечитаемых французских указателей. С ним случилось такое эмигрантское «счастье», столкновение с родиной, будто встретилось что-то необычное, он даже не спросил из какого я города. Как много у них ностальгии в глазах и такого забытого у нас соучастия. Он заговорил со мной первым, будто оправдывался чисто русскими словами, что они тут все очень непонятно понастроили, и этому нет конца и края, и столько запутанных дорожных «лепестков», словно завязок, а не развязок, что заблудиться легко и пешком, и особенно на машине. Я выходила на какой-то маленькой улице – La petite rue, а он продолжал что-то говорить, перегнувшись и выглядывая в закрывающиеся двери трамвая. Он так хотел ещё поболтать, рассказал бы мне про политику ассимиляции и неприязнь к чёрным, как они в офисе при слове «работа», угрожают обвинить тебя в расизме, рассказал бы про особую французскую депрессию, от которой якобы лечится каждый второй. А я бы спросила, давно ли он тут и чем занимается, а он скажет, что сильно скучает по соотечественникам. Но я совсем измученная длинной дорогой, этими майским «церемониалом» в Версале и метро, я только кивала и мучилась мыслью, как смог распознать, что я русская – незаметно подсмотрев надпись (надо всегда быть очень внимательным). Видимо по одной только надписи на бутылке «чистая вода» в боковом кармашке моего рюкзака, надписи, которая дома бы у нас вообще ничего не значила – пустое место, а здесь это оказалось культурным кодом. А иначе бы он и не понял, меня всегда признают за немку или шведку.

Я посмотрела скользящему брюхом трамваю вслед, когда он вписался в пейзаж с олеандрами, пассажир в окне помахал мне рукой, тихо удаляясь в свою эмигрантскую жизнь. Перешла трамвайную улочку к чёрному офисному зданию, обойдя его слева, спустилась через садик вниз к раздвижным воротам в Novotel. Внутри на ресепшен меня встретил портё элегантный чернокожий со сверкающим взглядом и длинной шеей. Он не спеша взял мои документы и начал хмуриться, лениво заглядывая в компьютер. Я подумала, что весь мой сломанный маршрут и далее должен идти криво по такой логике: или он не найдет подтверждение брони, или это окажется отель-двойник, тогда мне придётся ехать через весь город куда-то в другие предместья, я вызову такси, таксист с большой долей вероятности будет чёрным, и я буду неизбежно снова думать про многочисленных чернокожих, о том, что моему свежему взгляду кажется, как некоторые из них удивительно красивы, совсем иной красотой – животной пластикой и блеском чужих глаз, а у женщин у всех без исключений спинка ровная, и как же они гениально умеют никуда не спешить. Никогда никуда вообще не спешить, даже на Гар дю Нор. И надо перестать уже прислушиваться к их загадочному языку – все равно ничего не понятно.

В прошлый раз на День Бастилии 14 июля на Марсовом поле в толпе среди зрителей, кто пришёл на праздничный салют, совсем не было чёрных лиц. Пожалуй, ни одного. Тогда я спросила рядом стоящего случайного французского поляка: почему? А он сказал, они не считают это своим праздником, и никогда сюда не приходят, потому что мы их завоевали. Тогда, в тот знойный вечер, а точнее глубоко за полночь, пробираясь после праздника сквозь плотную толпу хоть к какому-нибудь метро, почти как люди в рассказе «Южное шоссе», которые фатально застряли, поселились в пробке в Париж в воскресенье вечером, “едва миновав Фонтенбло, еле-еле ползли, то и дело останавливаясь...” Все станции в округе были закрыты, а Uber выдавал только ошибки. Тогда и теперь единственной моей целью было обрушиться в гостинице на белую постель, зарыться в подушку с незнакомым запахом, пересматривая в памяти восхитительную галерею прогулок по большому городу, перечисляя яркие выпышки под джаз-сюиту Шостаковича, которую тогда под взрывы праздничного салюта со всех уровней Эйфелевой башни исполнял русский оркестр Гергиева – образный микс великого города, в котором ты никак не можешь быть сильно чужим, и тем самым уже полностью растворенным в импрессии изящного летнего стильного немного «русского» Парижа.

2018 г.

С вашего позволения, я – Дороти

Завтра будет свобода. Я иду по длинному серому коридору. Весь день думала, что нужно успеть собраться, упаковать нужные мелочи – духи, зарядку, вазочку для подаренных цветов не забыть, четыре пары туфель разного цвета, под настроение, и одни открытые босоножки для бессмысленных дефиле в летней шифоновой юбке. Я нервничаю, как бы ни хотела относиться к этому ровно, и думаю, что это естественно – не каждый же день увольняешься. Дохожу до лифтового холла, нагруженная своими одиннадцатилетними пожитками, и вижу сбоку, как мужская рука прижимает кнопку, задерживая лифт для меня. Это последний десятый этаж, но я не знаю, как работает эта теория лифтов, нам иногда приходится его довольно долго ждать. Я вхожу в кабину, одновременно возникая в отражениях металлических стен и большого зеркала. А там – он! Сердце-то застучало-затарабанило, ведь я давно приглядывалась к нему с интересом, ну как давно... столько, сколько мы знакомы. Когда произошла наша первая встреча, он показался красиво-высокомерным, таким человеком, которому зачем-то надо определять себе цену, пусть по привычке, будто он всегда общается только с противниками. На меня он тогда не смотрел, и мельком показалось, что всё же смотрел, каким-то боковым радаром, мужским «нюхом», интересующимся всеми, как новенький, – а что если на этот раз, бывает же, так случается, и влипнешь...

Я вытянулась в струну, молчаливо подкидывая ресницы, резко опуская их в пол, подброшенная в воздух «загадочность», ни фиги мы не понимаем в жизни – таем, когда рядом есть интересные мужчины. Таем и гибнем. Потом ещё пару раз мы виделись мельком в этом же лифте, он, не церемонясь, пилил улыбающимися глазами, и мне казалось, что он уже всё решил, и даже если не на далёкую перспективу, но теоретическая возможность того, что снова влюбиться – словно приобщиться к волшебному накрывающему, со сладким страданием, – была ясно видна на горизонте. Это же как радость озарения, словно о тебе небесные силы вспомнили. Это как выходишь из душной комнаты на улицу – кажется, теперь есть кислород и дышится легче, какая-то разбежавшаяся вмиг из пылинки новая туманность, и всё, что ты хочешь и ждёшь, вот-вот оно и начнёт происходить. И всё будто бы для тебя, но не теперь, ведь оно таким и было, просто не всегда можно это понять, так как понять можно лишь, если ты готов. А готов ты, если свободен. А свободен ли ты, этот вопрос уже решай сам.

Автоматическая дверь плавно закрылась. Мы стояли вдвоём – друг против друга. А вот в башнях Москва-Сити – там в лифтах даже кнопок нет,ходишь в чистую коробку, и всё – барокамера по пути «в небо». Но у нас всё же есть. А мне бы хотелось, чтобы сейчас мой попутчик тихо заговорил, будто он давно думал меня пригласить на ужин, и не оправдывать, что мы остались одни случайно, и ещё, что не такой уж он строгий, но в этом змеином «театре» ведь нужно держать марку, иначе нельзя, и к коллегам, и ко мне это прямого отношения не имеет, это вообще параллельная реальность. Нужно научиться проживать эти роли разными, конечно, не пересекая чужих интересов и не выступая против системы, боже упаси. По правде говоря, для меня похожие декларации тоже звучат как мораль. Я прихожу, надеваю наушники, слушаю Брамса, делаю работу – получаю за это деньги, и почему я ещё должна играть в чьём-то «театре», не понимаю. Ведь каждый сам себе придумывает нужду чему-то соответствовать, а некоторые даже иногда лезут везде и кажутся ужасно озабоченными по этой причине, не думая, что выглядят неадекватно.

– Мы едем вниз? – робко спросила я, потому что я вдруг поняла, что ухожу отсюда в первый и в последний раз и молчать глупо.

Он, улыбаясь, покачал головой из стороны в сторону и сказал:

– Вверх некуда.

Я притихла, наблюдая за ним, и подумала, что у него в этих четырёх стенах нет выбора. Такой спокойный, видный, голубоглазый, красивый прямой нос – ископаемое! Небрежная трёхдневная щетина с рыжиной, светлая рубашка, синяя полоска, джинсы, холодное – деним, шик миллионера и бездомного – «смотри, детка, как я свободен!». Ах, эти голубые глаза, подтянутый, мужественный и милый. Он милый, вот и всё определение. Ми-ми. Соблазнитель. Такой человек. Как если бы одежда была сшита сложно, но ни одной ниточки господи придиричливые не найдут. Я сразу его вычислила. И даже будто он не хочет казаться, а только жить на вымышленной обложке журнала, как если бы он мог существовать собранным, как гамма, и если бы он цвёл, как вишня на радость всем, кто пришёл к нему. Как ходят японцы по весне любоваться сакурой, у них в языке такой глагол есть. Я уверена, возраст нисколько не портит мужчин – если в нём нет внутренних противоречий, всё расцвет...

Бицепсы, мужской аромат и взгляд свысока. Я делаю вид, что о чём-то задумалась, сама у себя спрашиваю как есть: «Готова ли ты, раба божья, умереть сегодня от любви к этому двухногому великолепию?» Боже, как бьётся сердце, щёки вспыхнули невозможно, даже думать трудно, как это называется... подбирать слова... собирать буквы, ясно думать... – ничего не выходит, я – затуманенное, неразумное. Это сказочное превращение? Я – Дороти. А ты – Волшебник? Как долго мы будем лететь в эту вечность? Тут что-то надо шептать, чтоб хоть как-то поддержать интерес к себе, и не показать виду, как мне страшно, и сказать, что меня сегодня уволили с грустью, немного сонным голосом... Вот бы в таком состоянии можно было бы ещё шутить, да какой там! Я даже забыла, куда еду, если бы не он... Зачем так сильно бьётся сердце? Пожалуйста, ровнее. Если заговоришь – то тихо и мало, меньше, чем знаешь, и не хвастайся! Он же не решит, что ты чересчур стараешься, перетопила, хочешь нравиться так сильно, как только начинаешь переигрывать не себя, тут всё: сразу – ложь. А вдруг у него сложится впечатление, что ты тихоня, гадкий утёнок, и это тоже правда. Некоторые умеют вести себя нагло и уверенно, но хорошо гремит только пустое ведро. Умоляю себя: никаких шуточек, никакого громыхания, не нужно историй – ни старых повторялок, занимашек, длинных очерков о детстве и пересказа кино-ошибок и интернет-приколов! Ровнее. Мы будем ехать долго – всю жизнь... Сердцебиение в горле, не хватает воздуха, офисный кофе всегда возбуждает, а мне бы чего успокоительного... поле маков, маковое поле всегда алое, ярко красное – растворится в лете сахарная нега, я на седьмом небе от чистого твоего голоса, и у него, этого тембра, кстати, такой же яркий оттенок – дурманный маковый.

– Э-э.

Он, медленно поворачиваясь к зеркалу, предъявляет мне самый лучший свой ракурс – рабочей стороной, как говорят фотографии. Звери мои, где вы?! Поднимите меня и несите, ведь я сплю – это сон с погружением в сладкое мгновение, когда ты вдруг знаешь, что схватил эти редкие секунды за хвост, обычно так нельзя, но тут можно, в любовном сне, примерно как сегодня. Унесите меня, ведь такие сны смертельны!

– Нажмите пятый, – сказала я дрожащим голосом, – пожалуйста.

Я вдруг вспомнила, какая неловкость – кажется, его зовут Владислав, Влад. Банально, но я бы тебя звала Волшебником. Пока беззвучно, затем, когда придёт время, – я смогу произносить это громко, я буду кричать, выйдя на балкон из твоей гостиной: ВЛАДшебник, ВЛАДелец, Владыка, Владуня, Владюсик, Владимир, да ты же Влад всея Вселенной, ёпть!

Ах, если бы ты знал, как во мне всё бунтует – не о том, не о том, мимо, я скоро уйду навсегда, нужно как-то пригласить тебя в сказку, больше знаков внимания – их вообще в жизни так мало, ну, давай, с головой – поговорите о чем-нибудь, только без банальностей! Трусливые львы, железные дровосеки, говорящая собачка, летающие обезьяны, они одни лишь реальны, все вместе, ребята, спасайте, летим по лифту навстречу к моему волшебнику. Будем делать для него всё, что он любит, сегодня, завтра и всегда. У него чёткое имя и трёхдневная щетина, он мог бы быть моим союзником! А знаете, в моём детстве была большая чёр-

ная собака, породы... не ризеншнауцер, но тоже с волосиками. Мы перебрали разные клички: Дорис, Берри, Трейсси, Бруно, Флеш, Тото, но мне нравилось Ричард или the George. Когда мы садились за большой стол обедать, папа командовал в сторону «младших»: «Кажется, Ричард недавно поел, или у меня плохо с памятью?» И мама передавала команду по кругу: «Ричард, за периметр!» И Ричард послушно отползал на жопе чуть-чуть – на десять сантиметров дальше от стола, а мы повторяли ему: «Ричард, дальше за периметр»! Он делал ещё десять сантиметров, этого хватало. А когда папы не было, мы надевали на пса его галстуки, кепку и трусы.

Лифт затормозил, дверь открылась. Он посмотрел на меня вопросительно.

– Я передумала, мне вниз! – виновато улыбаясь.

Получается, потянула время. Так получается.

Дверь лифта не хотела закрываться, пропуская невидимых пассажиров и всех моих зверей заодно. Это мгновение кажется таким длинным, когда ты осознаёшь, что он мог выйти на каком угодно этаже, но он всё ещё с тобой – «предмет» твоей невозможной радости. Будто бы кошку сажаешь на колени, а она ведь независимая, не любит директивных действий – иногда категорически против, а то возьмёт и свернётся калачиком, и ей почему-то хорошо. А ты знаешь, Влад, как бы я хотела назвать кошку? Грейс, Долорис, Барбара, Энди, Роуз, Розмарин или Дива! Когда-то в деревне у бабушки была кошка. Я помню, её принесли котёнком в два месяца. Бабушка бесцеремонно перевернула её брюшком, как в магазине: «Смотрите – это у нас Ксю-ю-юша». Я помню, кидает ей на пол целлофан от сосиски, а я говорю: «Бабушка, зачем её кормить целлофаном? Чтоб какашки сразу упакованными выходили? Может бы, ей еды надо?» И эта Ксюша всё время жрать хотела, но ей по деревенскому правилу кидали одни объедки или что-то подпорченное. Бабушка хоть и придумала ей ласковое имя, а не могла избавиться от манеры называть всех, кто не несёт яйца и не идёт на мясо, мордами и кабыздохами. Кошка как-то выкручивалась и постепенно выросла. Однажды утром на кухне стоит она на столе обеими лапами в большой миске с творогом – там, наверно, было килограмм – и ест жадно, заглатывает в себя большущими кусками, ещё больше: «Наконец-то... я всё это сливочное буду жрать-глотать, хоть пристрелите меня, всё равно буду». И мы с бабушкой такие, на пороге, немного онемев, и бабушка как закричит: «Воровка!» И замахнулась бросить в неё поленом. Я спасла её тогда, кошку, схватив под передние лапы. Мы улизнули в дальнюю комнату, она, обливаясь, дрожала от счастья, а я убаюкивала её, как куклу, тайно радуясь нашему общему успеху, и говорила: «Ксюшенька, ещё свои лапки оближи – они у тебя тоже в твороге». Я всегда считала, что кошки – маленькие люди. А потом в городе была кошка Сольбинка, она же Сольба, хотя ей больше подходило имя Розмарин. Такая аккуратненькая, умненькая и вся из себя чёрненькая с белой грудкой, как у артистки из немого кино. Винтаж. Я тоже думала, что она маленький человек, и мечтала ей нацепить красную бабочку, отороченную золотом, и как только надела на неё, на утро проснулась – а кошка исчезла, сиганула из окна. Я только по факту поняла, что дом пустой, лето, жара – окна настежь. Во дворе её не было, у меня так сильно сжималось сердце, весь день мне казалось, что я поднимаю голову, а на меня сверху летит пушистый белый животик с растянутыми как крылья лапами и красный галстук-бабочка на шее, с золотом. Она, как летяга, жмурится от страха и только лапы трепещутся на сильном ветру, от которого даже деревья гнутся и из ушей вырывает наушники с музыкой. Она, неудавшаяся Розмарин, маленькая меховая дурочка, летит с десятого этажа, не догадываясь, как это больно – шлёпнуться со всей силы. Мне становилось не по себе, когда я представляла, как она должна была расплющиться о землю, как бомба разорваться на кровавые куски. Это был кошмарный сон. Вечером я бродила по дворам, мне её, глупую, было так жалко. Я заглядывала в подвалы, под лестницы, под машины, даже в мусорку, где много этих «ароматных» тележек. Только когда стемнело, она выползла из тайника и начала мяукать громко и жалобно, и я её принесла домой. «Бомба» моя ожила, а бантик красивый где-то потеряла.

Мы едем в лифте целую неделю, падаем и падаем, растопырив невидимые крылья. Есть такое чувство, когда держишь в руках тяжести, на плече – сумка, ноутбук, и голоса в голове – тоже такая тяжесть, как плохая музыка: «Ты уходишь? Как жалко! А почему? По какой причине? Сколько лет! Не переживай, всё только начинается!» – голоса, всюду призрачные голоса... Хотя догадываюсь, что через пару дней обо мне уже перестанут вспоминать – ведь этот офис, как и любой другой, – человеческая мясорубка.

Лифт дёрнуло, меня затошнило кофе, головокружение. И кто-то в моей голове снова заговорил с тем интересным мужчиной: «Эй ты, мой попутчик в лифте, красивая модель человека, ты хотел бы узнать всю правду? Ведь никто, кроме меня, тебе её не расскажет – есть ещё половина пути – твой единственный шанс ожить в этом мёртвом доме. Хочешь или нет – слушай, ты мой заложник, пока не приедем вниз или пока я тебя не расстреляю из невидимых пушек, сучьё ты высокомерное, бессмысленный омертвевший памятник имени Ленина.

Итак, по порядку: я не люблю зонты. Утром я шла на работу, не догадываясь, какой это будет трудный день. А к вечеру громыхнуло – казалось, что вот-вот с небес должно хлынуть. Схватила у двери такой некрасивый зонтик компании, в которой будто бы ты и я вдвоём работаем, хотя теперь это вообще не так. Ты добился заоблачных высот, очевидно своей внешностью, высокомерием и уверенной хитрожопостью (стандартный набор), а я... меня сегодня уволили – вот почему это трудный день. Зонтик... четырёхлистный, четырёхсюжетный, четырёхчёртовый синий зонтик с четырьмя спицами... Некрасиво. Неловко. Инфернально... Однако собирался нешуточный дождь, я, убитая, шла по коридору и думала, что лучше поторопиться и вызвать такси. Ты, нажав кнопку, держал дверь открытой, потому что увидел меня. Тут подскочила я. «Ты со мной?» – «Что за вопрос, красавчик! Да это не ты со мной, а я с тобой! Уедем, куда прикажешь!» Ты измерял взглядом, а я хлопала глазами, всего одно мгновение – всё уже было решено, так же как и новое руководство нарисовало свои «расстрельные» списки три месяца назад и держало всё в страшном секрете. В лифте моё настроение улучшилось. А ты, наверно, подумал: «Красавчиком меня давно никто не называл, и это не совсем так... По рангу не положено, но приятно, поэтому, пожалуйста, продолжай, пока нас никто не слышит, красавчик так красавчик – хоть мы и на работе». А я подумала: «Боже! Абсолютный красавчик». И совершенно забыла, что сегодня особенно плохой день. Мне кажется, я тебя принимаю как себя – у тебя случаются возвышенные настроения, как у каждого мещанина, и тебе примерно раз в неделю хочется купить новые часы Swatch – хорошо и недорого, так, чтобы с подчинёнными, с этими лояльными сучками, держаться ещё строже и значительно холоднее. А безработная сможет жить на эти часы целый месяц. Я просто не хотела мокнуть. «Мы едем вниз?» – Тупейший вопрос, но он прозвучал не так уж бессмысленно, учитывая, что жаловаться малознакомому человеку я не могу, а продемонстрировать свою фрустрацию имею право. В лифте ты был тих и корректен, ни грамма сомнения, нисколько, ни о чём. А я не вижу в тебе притворства, не то что лизоблюдства или этих кошмарных манер... но ты всё равно часть этой долбаной системы. И ты сдержанный, и аккуратный, и ни разу не вспомнил про рабочие склоки, футбол или, не дай бог, доктора Хуса. Это был бы провал! Да ты вообще помалкивал, что меня и радует, даже страшно, что я втрескаюсь, потеряю голову и ты будешь вить из меня верёвки ближайшее время, пока всё не наладится. Ты тут крутишь головой, как на фотосессии, – я почти влюблена и растеряна. Я сбрасываю маски! Я – обычная девочка, а ты – просто мужчина – соломенное пугало, имеешь наглость просить у меня «мозги». Мои мозги взамен на чувства. Молчи, красивое ничтожество! Волшебник страны Оз, ты не милосерден, но ты исполнишь все мои желания, при условии: девочка должна доказать, что она этого достойна. Кое-кто даже направил на меня проклятье, чтобы лишить боевого духа, и списал меня! Да мало ли в природе помех! Приняли-уволители, снова приняли – вся возня вокруг того, чего нет. А есть одно только моё чувство, и я не вынесу твоего обаяния, ты подхватишь меня... и это реальный шанс сегодня узнать, какого цвета твоя спальня. А завтра на работу

мы приедем вдвоём, и все будут шептаться, эта та самая бывшая сотрудница, не прошло и ста лет – теперь она твоя подруга!

Лифт, издавая глухие звуки, стал притормаживать, видимо перед первым этажом. Стоп. И стало тихо на мгновение. Волшебник как-то поник и выглядел уставшим.

– Я должен вам сказать, что... эээ, я... это было моё решение – вас уволить. Может быть, вам это и не нужно знать... сокращение коснётся многих.

И он, опустив голову, вышел.

Собака! А какая была ми-миленькая собачонка... Да нет же, просто дворовая говняная Тото, в которой настоящего только блохи. Капиталистическая шлюха. Это же была не сказка, ведь я не ошибаюсь?

Я вышла на улицу. Ливень кончился, над сквером взлетели голуби – их было много, они резвились в закатном солнце, как дельфины в тёплой воде, – ансамбль, танцующий в небе без музыки, точнее, под музыку волшебного часа, когда человеческий глаз всякий раз с неизменным удивлением видит самый выразительный вечерний свет. Это было очень красиво – то на одну птицу попадает оранжевый, пока у других спинки чёрные, то на другую, а потом они белеют, и вдруг, резко подрезая первых, пролетают сквозь луч и становятся апельсиновыми с мокрым, каким-то праздничным блеском – и так они кружили долго в своей идеальной геометрии, столько, пока я смотрела в небо, онемев от этой *простой* свободы. Тогда поняла, что мне нужно домой. Дороти – это та, кто вернётся счастливая домой.

А голуби кружили и кружили, и всё у них было отлично.

2016 г.

Подрыв кадра

Она широко распахивает глаза большими вишнями. Ресницы всегда накрашены так аккуратно, они взлетают вверх до самого неба и потом вниз. В ней есть что-то от клоунессы, но без актёрского притворства. Она пышка такого маленького роста, и это делает её как будто бы наивней, но вопрос открытости её не беспокоит, она просто хочет нравиться тем, кто к ней приходит по делу и просто так.

Мы знакомы давно и поверхностно, по случаю, как коллеги из соседних отделов. И она всегда была такой пухленькой и с походкой ребёнка. Многочисленные богини-начальницы и самый главный питерский босс, от кого многое зависит, записали её во второй сорт, мол, простовата, не дружит с английским, не карьеристка, не леди, не фонтан. Так и говорили: «Пока мы тут «десижен-мейкеры»¹ – она роста не получит». А что считать этим, как они выражаются, ростом? Чуть больше денег, а всё остальное – режим приходов и уходов, горы бумаг, переработки и оскорбительно короткий отпуск, приседания перед генеральшами, дабы улучшить «визибилити»² (как можно любить это визжащее слово?). Выйди на улицу, а там – вялое московское небо и вялое московское метро, забитое недовольными лицами, сопли по осени, и всё это, очевидно, навсегда. Я много раз после шести видела, как она идёт одна до метро, устало, обречённо. Маленькая пухлая фигура и твой рост – тоже навсегда.

Она в тот день пришла попрощаться. Был полдень. «Я всё», – сказала она очень сдержанно. Мы вместе подошли к лифту, я вызвалась её проводить. Вот так это и происходит: «всё» или «ну всё». Радикальная линия отрыва. «Как?!» – «Меня сократили». – «Зачем?! Ещё два месяца!» – «Нет – сегодня». – «Не может быть! Ты расстроилась?.. Ведь это безобразие». – «Нет – уже смирилась, держусь. У меня мама тяжело болеет, я постоянно должна быть с ней – то по врачам, то в больнице. Эти врачи... они мучают маму исследованиями, а ей только хуже. Я потратила все сбережения на мамину операцию, которая, как оказалось, была не нужна. Разрезали и зашили. Что-то вроде «проверки вероятности». Видимо, так совпадает, всё одно к одному». – «За это же не увольняют!» Она, задумавшись, опустила глаза, хлопнула ресницами и нажала кнопку лифта. Всё это грустно: трудись двадцать лет, ничего не требуй и уйди тихо, не пикнув, не оставив следа. Лифт где-то застрял. Что вертится в её рыжей голове? Оправдания? Или логические ряды: работа, больница, теперь работа в больнице, мама, ты уже не молода... сколько же лет прошло с тех пор, когда я стала главнее, когда и я уже немолода, вдруг так решительно... Как жить дальше, как исправить возраст, хоть чуточку поменьше, чем сильно за сорок... Сократили одним днём, черти... И ведь сами такая же срань господня! Уже не время ли думать о работе, да ты ж не бизнес-леди, не фонтан.

Я смотрю на её поникшую фигуру... Когда-то мы всё потеряем. Мужа нет. Нужны деньги. Нужны постоянно. Я с ужасом думаю, что мне когда-то тоже будет пятьдесят и потом шестьдесят. Я чувствую боль внутри, мне её жалко, и вместе с этим я понимаю, что всё неизбежно. Любой может оказаться на этом месте, хоть завтра. Также придёшь, а тебе скажут – это не прорыв и не победа. И, вообще, есть ли другая жизнь? Что вот это такое среди кабинетов и людей? И почему-то оно с каждым днём кажется всё более близким и естественным. Такие мысли разрушают. Я не имею отношения к кабинетам, ведь я здесь случайный человек, и мне на самом деле всё равно, что вы, коллеги и начальники, думаете, что вы хотите и чем живёте. Тем более что и рассказать вам особенно нечего. Так – пустой трёп, интершум – нефть, политика, чаще о ремонте и домашних покупках, подробные рассказы о том, как припарковался или как съездил в отпуск, что едино – полнейший тлен. Преференции, ожидания, зависть к

¹ Англ. – Принимающий решение.

² Англ. – Известность, заметность.

чужим премиям, твой гнев и твоя обходительность, расчёт на рост благосостояния, и порой – «а вдруг всё уляжется» – это только твоя роль в социальном театре, то есть спланированный обман. То есть не суть, не твоё родное и вообще не твоё. Типичное не то. А где ты – подлинный? И где истинная жизнь?

Когда-то она рассказывала мне, что начинала акушеркой в центре планирования семьи на Обручева. Это была мирная профессия. Конечно, сложная, но во многом приятная – детские щёчки, благодарные бабушки, папы, цветы... Потом настали варварские девяностые, жизнь пошла сложная, все стали бухгалтерами. И она, окончив заочно плешку, стала тоже бухгалтером. Вот и вся история – двадцать пять лет будто бы пролетают в момент нажатия одной лишь кнопки лифта. Точка невозврата, где обнаруживаешь себя совсем не той, не там и кажется – уже слишком поздно, чтобы быть такой одинокой, правда, есть ещё мама...

И вдруг открываются блестящие двери лифта, вываливаются девчонки-коллеги, они собрали пухлый конверт, хотели от себя что-то ей подарить, за цветами не успели, всё случилось так быстро, стремительно. Вывалились из лифта, как из зеркальной шкатулки, обступили её, по-детски разглядывая, будто собираясь закружить в хороводе. Таня-Таня-Таня-Таня. Была бухгалтером, и вдруг столько внимания. Она растерялась, затараторила, начала что-то быстро говорить, жалеть, обещать, отказываться, держа пухлые-пухлые ручки у груди. А глаза большие-большие. И видно, как ей трудно, больно, пусто. Бледное лицо покрылось пятнами, ресницы залетали-захлопали, градус таков, что хочется вспорхнуть. «Тебе неудобно взять деньги, но ведь мы-то остались, а ты с завтрашнего дня живёшь бесплатно... Таня, возьми от чистого сердца! Видишь, как тебя все любят!» Лю-лю-лю...бят! А после слова «любят» вдруг сдают нервы, это взрыв, и ливневый поток слёз пробивает. Да некого тут стесняться, не на кого оглядываться. Реки чёрной туши, всё потекло. Плачь, иди и плачь! Лети и плачь! Падай! Просто плачь! Плачь по чистой любви, плачь по дочерям нарождённым, плачь по любовникам, чей след простыл, плачь о том, что живёшь, плачь о том, что понятно – умрёшь. Плачь! Только так можно всё перешагнуть!

Руки тянутся, их так много, кто-то крепко обнял за плечи, ты окружена... Кажется, что все свои. Кто-то так же вытирает слёзы. А тут и стены готовы зарыдать. Один лишь начальник-негодяй, он трусливо уехал в свой Петербург. Прилетел, объявил и уехал. А чё? Все знают, что он обожает богатую рыбалку в специальных водоёмах. Да что там... Скажите спасибо! Это ведь у них так называется. Нормально. Работайте, пока дают. Примитивная ловушка, что тоже сущий обман. Только рост да твоя фигура не обман.

И ведь господин петербургский начальник безусловно знает о том, что наказывает сильнее, чем честный человек того заслуживает, но, как это часто бывает, расставляет акценты и тайно думает про рыбалку, чтоб не расчувствоваться. Чёткий парень. Нормальный карьерист, нормальная непробиваемая будка. А хочешь посмотреть, как плачет женщина, как всхлипывает и трясётся? Хочешь видеть чёрное лицо – краску дьявола на щеках? Твой стыд и твоё проклятье. Ничего, ответишь! А как бы ты хотел, чтобы она покончила собой? А вдруг она сегодня же намерена совершить суицид от полнейшей неразрешённости? Вены? Упасть под машину? Или с десятого этажа? Как бы ты хотел? Вот бы увидеть твою реакцию, о культурный петербуржец! Твой чистый взгляд голубых глаз не отведёт, дослушав душещипательную историю торжества капитализма до конца, потому как эти мужчины любят и умеют скрывать всё без остатка. Прячут-прячут и думают, что скрылись. Или что ещё думают? Что признаваться в своей утончённости – это ничтожно, а в том, что вы любите не своих жирных боссов, а подчинённых – это бессмысленно, или что вы готовы отдаться сочувствию – это низко?

Да какая разница, вас много, а я – один, и я круче вас, потому что я смог. Вы – это потерянность, недоумение, невзрачный протест, не персоны – персонажи, предмет нашей торговли, все на одно лицо, полуфабрикаты людей с признаками людей, а я – ваш страх, но я – не изверг и лишь слегка напоминаю вам о несвободе. Скажите спасибо, за лучший выход, что родились

в наше мрачное время, иначе было бы гораздо больнее и жёстче. А так, вас просто нет, ведь вы не знаете, что карьерные достижения и есть наши духовные феномены. Учите ложные формулировки! Так, может быть, в следующей жизни и вам повезёт, неудачницы!

2015 г.

Память

Мы шли с обеда и говорили об объявленном вчера сокращении штата. Это касается тринадцати человек. Правда, мы о нём твердим уже месяца два, итак – всё свершилось. Говорили, как жалко, как необъяснимо и трудно, говорили, кто чем займётся, придумывали себе будущее.

Вдруг Наташа «большая» сказала, можно забрать с собой ноутбуки, просто заполнить акт на утерю, всё равно они старые, пошарпанные, да и компания гибнет и совсем скоро будет ликвидирована, что тут слёзы лить... И это даже не потому, чтоб нажиться, простой здравый смысл – за так они их не отдадут, пустят «под нож», покидав в большой грузовик, как дрова, и увезут на свалку. Это не выдумка, именно так и было «списание» в старом офисе на Ленинском проспекте, и кто-то, приглашённый специально, даже присматривал, чтоб не допустить никакого мародёрства. Тогда все немного недопонимали, ведь есть же малообеспеченные люди, а в Подмоскowie – детские дома, где с удовольствием бы забрали эти компьютеры, настроили бы их, и они бы ещё долго работали. Но таковы правила.

Наташа «маленькая» сказала: «Да нет, я не буду ничего «терять», это странно выглядит, я проработала много лет и в последний день потеряла такую большую вещь... Не знаю...»

А я ей говорю:

– Натали, ты не понимаешь, а иначе твой комп кинут в кучу и он будет ждать уничтожения. Я недавно шла по офису, и там бывший айтишник Чайников, он теперь хорошую должность занимает, во всяком случае ходит в костюме. Так он вытаскивал память из списанных ноутов. Дверь в комнату была открыта, а он и не прятался, просто вскрывал один за другим, складывая узкие платы на стол плотным рядом, всё, что ещё можно было бы спасти. А «бесполезные» компьютеры он бросал на пол. Я заглянула и спросила у него: «Чего, на Савелу сдаешь?» Он сказал что-то неясное – то ли да, то ли, вероятно, собираюсь.

Девчонки – Наташа «маленькая» и Наташа «большая» – стали громко смеяться. «Большая» сказала:

– Чайников – да, он мелкий человек, мошенник! Сто лет работает и никому здесь не нравится, и хлыщ, и, вообще, очень скромных душевных качеств.

Теперь-то, когда нас всех увольняют, можно говорить как есть.

А Наташа «маленькая», подумав, сказала:

– И всё же в этом есть какая-то честность, хоть он и в красивом костюме, он совершенно не жульничал, мол, видите, товарищи, тут гора старого железа, и я один догадался, что можно кое-что из этого забрать, не нарушая никаких законов в известной структуре морали.

А я говорю:

– Ну да! И это даже полезно, вроде как «френдли» к природе.

На что другая Наташа сказала:

– Точно! Именно о природе он всё время и думал, пока отковыривал задние панели.

И мы стали хохотать дурниной. Был сильный боковой ветер со снегом, что для февраля вполне нормально. И от смеха нам становилось теплее.

2016 г.

Порядок вещей, или Впереди лежащий полицейский

Я сижу в офисе рядом с одним бессмысленным человеком довольно давно. В основном у нас люди приветливые, но с этим не сложилось. На первый взгляд – обычная серая мышь, ни рожи, ни кожи, его даже за глаза называют мистер Антисекс, но это только юные женщины. Иногда бывают такие моменты, что-то по ситуации нужно вежливо сказать или отреагировать улыбкой, по-человечески, и всегда повисает такая неловкая пауза, будто ему жалко тратить силы на то, чтобы распинаться. То есть какие-то слова у него, конечно, есть, но не для меня. Похоже, как старый диван привозят на дачу и никто на нём сидеть не хочет, такой он уже неуютный. Вот и тут – сказал бы что-то, да никакого порыва.

Иногда я тайком смотрю на его лицо, глаза голубые, но всё такое... с брезгливостью – и вроде есть в них мысль, и даже приятность в чём-то, и «шутки юмора», как говорит мой коллега Влад, порой мелькают яркие воспоминания молодости, когда он учился в Америке, в университете, это он сболтнул случайно, но всё в загогулике для начальников, для верхнего круга. А на лице стабильная эта ухмылка, из серии «дам, но не вам!». И никаких обедов, общих разговоров о кино, или, не дай бог, о семейных ценностях... Нет, нет и нет. Не рассказывай о себе лишнего, потеряешь статус – вроде как кодекс такой.

В работе он дотошен, порой просто параноик – всё по пунктам, и ему не лень постоянно всех контролировать. Не доверяет, требует переделывать и без того аккуратную работу, насмехается над медлительными, обожает очные ставки и даже засекать время, чтобы потом ткнуть носом и доказать, кто тут прав, и видно, как ему это всё приятно.

Коллеги даже пытались обосновать вызывающее поведение этого героя – вроде бы он из танковых войск, и его не раз будто било тяжёлым люком. И даже поговаривали, может быть, и это легенда, но вроде бы есть даже свидетели, и в это я верю больше, будто бы в питерском филиале на Обводном канале прямо в кабинете на него упал высокий шкаф, что не могло не сказаться на поведенческих его «паттернах», ну и, в-третьих, питерские сосули. Препятствия, блин, поребрики, значит, сосули – всё туда, одно к одному.

Влад говорит, ему так кажется, что даже с мужчинами в офисе он не просто разговаривает, а будто насилует, и в этом есть доля правды: когда он говорит, все молчат, а далее, если никто ничего не понял, начинает стучать крышкой ноутбука, сильно прикрикивая, будто он нервный больной: крышка танка падала – подумаешь, ноутбук. Получается такой непривлекательный типаж. Подобное поведение, извините, ни в какие ворота не уместается – антиманеры. Учился бы хамить вежливо, его бы оценили многие, ведь годы идут, а так – дёрганный менеджер, потому что на лбу написано: «Я менеджер, у меня депрессия, несмотря на автомобиль». А у нас с Владом нет депрессии. Мы тоже хотели бы, чтобы нам давали нормальную интересную работу, а не решали кое-как левой ногой проблему безработицы, а то, что... дают, а мы и рады, точнее, выдавливаем из себя эти капли, эти молекулы радости, будто счастливы в этой «деятельности», а так-то – всё туфта прогонная.

Но по какому-то негласному закону именно таких и выдвигают у нас в чины, не испытывающие никаких моральных проблем – хэд оф... Или как там... Издевательство над кириллицей.

Когда его назначили, повисла в конторе тишина, словно морозная ночь – такой самый трескучий холод перед рассветом. Все с нетерпением ждали объявлений новых лидеров – и верили, и боялись: семь бед – один ответ.

Несколько раз пробежала длинноногая, взглянув завистливо в его сторону раз сто, хотя чего туда смотреть. Её плющило от зависти! Как теперь говорят, залипла – она уже знала. Конкурентка... Случаются такие всплески: большой брат выбирает кого-то, но не тебя, извини,

сестра, это лотерея, как находка в археологии, как удачный брак, как выигрыш в рулетку. Шарах – и оп.

И вот пришёл е-мейл от Влада: «Ты видела новую структуру?» Я: «Нет». Вижу, он страшно озабочен. Что же такого?... Может, бегемота скрестили с жирафом? Он в срочном порядке мне что-то прислал и победно сказал: «Во! Ведь общественная арена – дело важнейшее!» А я говорю: «Куда смотреть? Я не понимаю, что с этим «многобукав» делать!» Это я так сыронизировала, мне неприятно это подбострастие перед назначенцами, уж не знаю почему, не люблю я их всех вместе.

А он:

– Четвёртая страница, третья строка.

А я:

– И чё?

А он:

– Не удивилась?

А я:

– Кто сосёт, того и двигают. Непонятно, что ли?

А он:

– Ты видела это, а? Хед оф Ироп!

– Блядь, Влад! Ёклмн – это не то же самое? Просто ХЭ добавь!

Я представила зависть Влада, он всегда такой честный. И он неприлично молод, и думает, что у него еще всё впереди, что не исключено, однако же и не гарантировано. Тут, между делом, в смысле – привычными блужданиями в пространстве, все хотят денег и славы или сразу хорошую должность с машиной. Люди слабые. Люди какие есть.

Человек человечный хочет машинную машину.

А Влад негодовал: «Ты не понимаешь, это означает – ещё год издевательства терпеть, наши мужики пьют валерьянку».

Бедные. Не лучше ли пить виски? Целый отдел выпьет ведро валерьянки, лишь бы проглотить эту препротивную новость. Вот она – арена древнеримская: «Да-да, давай-давай». Короче, я думаю, зависть – стрёмное явление. А мы хотим видеть их на арене, восхищаясь, а на самом деле, отождествляя себя с ними.

И герой дня, светясь счастьем, как натёртый самовар, сидел победителем, наслаждаясь, сколько живой энергии прилетело в его сторону. А коллеги за обедом все возбуждённо шептались: «Ой, какой саспенз... А может, чей-то зять? Не приведи Господь! Дык, Америка помогла? Да ну, он же в аппликейшенсиз вообще ноль. Причём полнейший. На говнистость проверили – к службе годен! Шерше ля фам? Кто ж нас трахает, однако, и какими способами. Может, эта сволочь из HR – Лукошкина, а может быть, сам Тихонов? Свой свояка... и так, и вот так. А на самом деле, как? Хотелось бы поподробнее, ибо нам, простым людям, это важно учитывать. Погодите, коллеги, он же антисекс... Да, но... Это в солидных компаниях люди честно карьеру делают, а в Алкателе со всеми спать надо. Выходит, тогда он получил эту должность, как срок, по совокупности?» Шептались до самого вечера, на кухне и по коридорам. Люди-люди...

Было уже поздно. Я побрела с работы и подумала о том, почему я забываю, что я живу не наградами и не казёнными объявлениями, а каждое мгновение – всегда, в любую отдельную секунду, и секунду назад, и две – вперёд. Первый встречный сказал: «Ну вот, третий день температура весенняя». Он выгуливал инвалида. Очень молодая бабушка с коляской и крошкой внутри сказала мстительно, покосившись в сторону: «Нет житья от этих с-собак!» А третий, это был стремительный мужчина, говорил другому, быстро шагая и жестикулируя: «Мы взлетели, но дали ему несколько секунд на манёвр». Потом пробежал трусцой спортсмен в белой майке,

прошуршали дети на велосипедах, перескочив через лежащего полицейского, стая голубей собирала крошки с земли, яркая машина тронулась и с ускорением исчезла.

Алкаши возле метро, котята даром, но кто-то шёл к дантисту, а один стал ювелиром, когда отец его выгнал из дома.

Uber,
покупки,
времени вагон,
глупости,
апельсины,
раскордаш.
Включаю Брамса,
кекс впервые,
много звонкого,
не трогать сенсорный экран,
там ниткой льётся музыка.
И каждый миг приходит толще прежнего,
такое жадное проглатывание вечера.
Больше вечера!
Дайте много красного.
Запахи: имбирь корица и шалфей,
там мой любимый фильм –
«Классовые отношения», Кафка.
Сладких снов!

2016 г.

Возвращение

Я страдаю оттого, что у меня мозоли на пятках. Утром, долго ковыряясь в лекарствах, не нашла ничегошеньки, никакого пластыря, и тогда пришлось отрезать две полоски от скотча, на котором оказалась корпоративная надпись известного некогда бренда Lucent с ярким кружком, похожим на след губной помады. Неудачная компания, которую швыряло в приключения: дважды за короткий срок перепродали – и не осталось ни следа от прежних названий и значков. И только мои ноги с заклеенными пятками, и на белом фоне – Lucent – светящийся, люциферный, хоть на это вы пригодились, коллежки-коллежечки. Больно... Утро. Только бы не опоздать. Я бегу, и в ушах пабабам – музыка торжественная, и наклейки на ногах не дают мне покоя, они настолько нелепые, я думаю, что люди, выходящие за мной из метро, могут разглядеть на мне эти надписи, как на мобильном оборудовании. Во я даю – докатилась!

А вчера вечером состоялся скандал: «Я скажу тебе, ничего просто так не бывает, мама! Ты меня хочешь обвинить в том, что я устаю, ты же этого добиваешься?! Вы же в этом меня хотите обвинить! Да, я такая нежная! Я помню, мама, как в детстве к нам приезжала наша бабушка, чуть ли не из другого города, чтобы вы с папой, как деловые, смогли переделать домашние дела – устроить воскресную стирку пододеяльников, ведь это было грандиозное действие, для чего бабушка была вынуждена и не рада проделать немалый путь, потому что вы так придумали. И весь ваш жратинг-убиратинг достал, надо сказать, всех, просто забодал. А мы были маленькие, и не знали, что вы там, будто назло, дополнительно придумываете себе хозяйственную нагрузку – можно же двигать шкафы каждый уикэнд, можно мыть окна с унитазами до дыр, можно даже гладить шнуры с двух сторон ради удовольствия представлять, что ты культурный, потому что живёшь в необыкновенной чистоте, не задумываясь, а такая ли интересная была ваша жизнь в подобной бессмыслице. Мы терпели... Карусели там или мороженое – всё было как в сказке, невероятным. Не думаешь ли ты, что, когда я прихожу с работы и кидаюсь на разбросанные повсюду игрушки, горы посуды, сраных подгузников и обуви, в наше новое время, когда, естественно, пришёл и мой черед, я каким-то образом должна быть свежа и весела, порхать зефирчиком, как лёгкая воздушная птичка, словно нота ля, словно фея в радости без тени печали и затруднений в голове? Тебе же так хочется? ...»

Если бы ты знала, мама, как меня мучают мои ноги, особенно летом, особенно по вечерам. Особенно в жару. Да и зимой не меньше: надуваются, как два воздушных шара – большим белым воспалением, словно бочки, в которые напустили горячей воды – такой текучей; бочки пухнут, ноги болят... да ещё эти американские наклейки на мозолях, буквы будто давят своим смыслом, и я не понимаю, как так получается, корпорация снова будет думать, что лечит меня, сначала покалечив... Мне бы скинуть каблуки и упасть! И ни слова об офисе, замолчите! Зачем всё время повторять, что у меня престижная работа?! Это совсем не так! Всё, что может быть ценного у человека, – это дети. А я прихожу каждый вечер домой злая, ненавидя эти разбросанные игрушки, и думаю, не налить ли мне снова коньячку, одну, а затем и вторую рюмаху, и мой маленький сын трёх лет скажет: «Фу, кто так невкусно пукнул, это не ты ли, мама?» А сам пойдёт на горшок сядет в туалетной комнате, открыв настежь дверь. Я – закрой, он – нет, и держит дверь ножкой, миленькой пухленькой ножкой, и говорит: «Пусть будет акыто – пусть везде пахнет!» Теперь представь себе, что меня даже эта милота раздражает! Будто бы он уже знает, что его ждёт в жизни. А всё потому, мама, что мне сейчас нужны не нотации, а десять гномов, они обступят меня, прилягут рядом, сделают массажик ног, самый лучший – бесплатный заботливый уход. Гномы мои, где вы? Ау-у!

Правда, у меня есть один хороший друг – свекровь моя. Акушер-гинеколог. Очень правильные черты лица, без косметики не выйдет за хлебом. Королева. Однажды среди знакомых – кажется, это были поминки по какой-то общей подруге – моя мама с обидой сказала свекрови,

что она будто бы такая чистоплюйка, полностью больная на чистоте. А я подумала заглазить, просто как-то за мать неудобно, вечно она бренчит то, что думает, и я сказала (Тараканова, её фамилия Тараканова, как княжна): «Ваш Павлик, по счастью, он и мой муж, когда приходит на бровях под большим-большим шафэ, он, прежде чем упасть на кровать, сначала идёт на балкон, снимает чистые труселя, потом в ванную, вымывшись, надевает их, и уже потом падает на кровать. Вот это воспитание!»

А сама я – нет, если так случается – попасть в подобное состояние алкоголической свободы, да что свободы – последней и, может быть, единственной победы над идиотизмом, прихожу и просто падаю. Я рушусь, опадаю, лечу в пропасть своей постели, в которой обитают только невидимые гномы, пока над ушами свистит грубая реальность, обрывки фраз из офисного дубизма, простые глупости и необычные бессмысленные дела, которыми наполнен день напролёт, тотальная разбитость и такое въевшееся за годы ощущение безвозвратно потерянного времени. И на изыщную чистоту мне абсолютно наплевать, всё потому, что на службе меня окружают самоутвержденцы, готовые на всё ради возвыситься над другими на миллиметр. Вот не далее чем сегодня получаю письмо: «Я попрошу спросить у Василия С., когда откроется «Альфа», чтобы мы могли подумать, как ответить коллегам на Украину, чтобы те вышли «на ковёр» к нашему начальству, и мы смогли бы обосновать значительное уменьшение прогнозов продаж по компании». – «А вы сами не могли бы подумать, как спросить Василия, блядь, напрямую? Я – не курьер ваших сраных мыслей». – «Нет, не могли, вы ниже нас по лестнице и принадлежите к субподрядной организации, которая здесь для этих целей и нужна, и не за чем более, кроме как унижать вас ради поиметь побольше денег – нам, достойным лучшей доли людям, а вы просто тупые подрядчики». Услуга, как они изволят это определять, без постоянного места службы. Подумать только, чему вы радуетесь?! Тому, что крошку сэкономили? А зачем сэкономили? Не для того ли, чтоб господину начальнику понравиться? Я ненавижу всех начальников – они темны. И дружат по принципу: кто принял правила, а кто – нет, ничего святого. А главный там – гендиректор он, что ли... пафосный стеклянный кабинет, ноги – на стол. Люди между собой шепчутся: «Как это так?! Ведь работать неудобно». А он трубку ухом зажимает и включает футбол, а может, сидит, размазывает ряды цветных шариков (это я не берусь утверждать), и так по целому дню. Вот верите – нет, ложусь спать, у меня так и стоят перед глазами два его ботинка, плоские подошвы чёрных его проклятых ног, которыми он прикрывается от остальных. Неужто болят от ничегонеделания?

Я пришла к нему как-то за подписью, с большим тендером, не с крупным, а просто нереальным стратегическим, миллионов на пятьдесят. Мне тогда пришлось собрать комплект бумаг, почему-то никого из коллег больше не было, собрать и отправить – ничего сложного. Вхожу в его генеральский кабинет, не хватает только фанфар, извините-простите, кланяюсь в ноги, хоть и не уважаю, тут одна ваша подпись, это такая закорючка – делается рукой, тупо подержите своё золотое перо над этой тленной бумажкой и, слегка напрягая, что-нибудь так небрежно покрутите-повозите, чтобы след остался, какой угодно, нечитаемый, все будут думать – у парня бойцовский характер. А он зыркнул как зверь, в воздухе негодование, ведь я же вломила без его худосочной секретарши, влезла. А надо было бы записаться на приём, но у вас, ребята, тут плохо с планированием, никто вообще не соблюдает правил, поэтому всё делается слишком поздно, впопыхах, добегаая за последним вагоном, возможно, уже отцепленного от локомотива поезда. Вопрос, на который вам не стоит и отвечать, – можно ли угнаться за тем, что ты не смог отмотать время, для того чтобы всё успевать, работая медленно? Никогда. Для этого нужно снова отмотать время, а у вас его нет.

Он взял, этот типок, бумаги лениво, не опуская со стола своих коротких ног, начал морщиться, разглядывая цифры. А я высокая, как башня Эйфеля, в другом углу, сама про себя говорю: «Быстрее, господин, пожалуйста, давай, думай, соображай, пятьдесят миллионов, там пробки, жуткий трафик, можем не успеть с пакетом к назначенному часу». Он морщился-кри-

вился, пока я топталась у двери, прикидывая, насколько миллиметров носик моей туфли проваливается в серый пушистый ковралин, и ни слова не нашёл в мой адрес произнести, заставил сколько-то ждать, потом вызвал секретаршу, чтобы наорать на неё по моему поводу, я прижалась к дальней стенке и помалкивала. Потом он вяло, так индифферентно, всё же подписал.

Тендер позднее выиграли, с моей лёгкой руки, надо думать. Меня, вероятно, после этого можно было бы брать талисманом на переговоры, но это упустим. Пусть сами как-нибудь...

А однажды пришло время расплаты. В тот день в обеденный перерыв я пошла погулять около храма, совершить обход божественных владений, что в конце улицы Станиславского, полюбоваться розами. Ведь розы прекрасны, насколько ты можешь видеть их живыми. Они улыбаются, шепчутся и пахнут, они – секретные существа, которые вступают с тобой в прямой контакт. Главное правило – их не срывать.

Я прошла вдоль улицы по узкому тротуару, долго ждала светофор, и тогда мне захотелось музицировать всей кистью, растопырив пальцы широко, как пианист, потому что в атмосфере всё равно была грустная музыка. Это, вообще-то, выглядело как лапа гигантского кота, который машет в воздухе, колдуя. Со мной иногда бывают такие странности, когда я вырываюсь и ко мне приходит такое неизменно свежее ощущение свободы. Я перешла дорогу и попала в дивный сад – уже зацвели георгины, и даже гладиолусы, хотя я ещё не налюбовалась розами. В них сколько радости! И вдруг они подняли меня вверх – на уровень рядом лежащих крыш старых московских домов, я должна плыть в этой энергии, поглядывая сверху вниз на всё, что там есть. Ой – яблочки! Я планирую камнем вниз, как сокол, у которого пёстрые крылья, ловлю два яблока – скороспелки, такими любят наслаждаться бомжи, я – тоже. По розовым бочкам и дурманному аромату я чувствую – яблоня хороша – медуница, конфетная, мельба или дюшес. Но это не имеет значения. Эти два ароматных кругляша валяются – ждут меня на земле – живые, как розы. Это мне гномы приготовили! Люблю! Я буду есть-есть, я буду-буду, я – есть! Жрите свой офисный обед сами. Я парю над дорогой, розы украшают мой путь, греют, обволакивают меня в летнем воздухе – я лечу, как Маргарита, здесь рядом Яуза, на холме монастырь. Лето. Надо бы припрятать яблочки и, не показывая виду, тайком вынести две обломанные ветки из Храма, а вдруг нам сторож или ещё какой-святой-верующий начнёт делать замечания. Я воровато складываю яблочки в правый карман жакета. Карман мелкий – яблочки предательски торчат, выглядывая наружу. Ветки – мои саженцы для почкования, их нужно непременно снова посадить в своём саду, убрать их некуда, так колются, я их держу в руке, словно меч. Иду, не дыша, натянутая в струну, медленно прохожу шлагбаум, где в воротах застрял огромный лимузин с чёрными стёклами – крузер или крузак, как у них называется... кое-как проползаю узкий проход между воротами и расположившейся по всей ширине машиницей. Ого, какая чёрная! Они тут все на крузаках. Кто там в нутрии?! Неужели?.. Нет! А может?.. Но непонятно. Яблочки, мои яблочки, не предайте меня, проберёмся тихо, незаметно, чтобы нас никто не застукал. Это наш яблочный побег. Вдруг стекло машины опускается, он машет кулаком и не разрешает мне пройти, я стою сбоку, недоумевая, за рулём сидит наш директор. Изобразил строгость, чудовище. Он газует, чтобы подъехать к храму. Ого, у него есть даже пропуск на территорию, он уполномочен заезжать на автомашине внутрь. Он этого достоин. Молиться приехал, никак? Мошенник. Только бы не заметил мои яблочки, негодяй.

Я помню, давно, когда он был ещё ничего такой – не очень разъевшийся, его прежняя секретарша Алла, выслуживаясь, говорила: «Давайте выпишем вам учебный DVD-диск десять уроков английского и французского заодно», а он: «Десять уроков – сто поз, ну и зачем так много, когда и двух достаточно...» Вот тогда он был адекватен своему уровню. Мне кажется, он явно на неё имел виды, а ей нужен был благородный жених. Один раз на совещании спросили: «Где там Алла эта? Удалить из списка?» И он сказал: «Точно, надо её того!» Ах, поаккуратнее с девушками! Вас поймут неправильно... Нас поймут правильно! – он улыбался, кивая.

Вечером ко мне приехала свекровь. Она, как человек организованный, навещала нас строго по расписанию – раз в две недели. Я приготовила ужин. Настроение было дрянное, потому пришлось открыть коньяк. Сели, выпили по одной.

– Вот смотрите, княжна, – мы прекрасно с ней ладили. – Храмы по городу... М-м... И вся эта офисная срань в своих ботинках, вся эта общественная чухня, и миллионы в храмах... я говорю, что весь этот гнусный общественный договор, с позволения сказать, действующий социальный контракт, эта, блядь, личная неприличная власть, неограниченная даже совестью и без противодействия... и вы думаете, что кто-то захочет в таких условиях возлюбить ближнего, как себя самого, когда повсюду одни только тупые козлы управляют, устанавливая лично им выгодные правила?! Ну, можно, конечно, надеяться на чудо, ходить ставить свечи, представляя себе, что ты не самый чмошный подхалим... А всё зачем? А чтобы получить в итоге ноль! Вы видите, какое дерьмо вокруг происходит! Княжна, надо с этим что-то делать!

И она шёпотом прямо так мне и говорит:

– Есть-таки один способ решения проблемы – очень старинный! – она загадочно замолчала, откинувшись в кресле. – Первая хорошо пошла, наливай ещё, моя девочка, и я тебе всё расскажу.

Я наполнила две рюмки до краёв, тайно радуясь, что у меня мировая свекровь, хоть мы и редко видимся. Мы помолчали и выпили одновременно, не закусывая.

– Нужно пустить кровь чёрного петуха, отрезать ему голову! Идёшь на рынок, потом в ванной – небольшие приготовления: застилаешь аккуратно всё, чистота... будут брызги, а ты прямо так по горлу и режешь, несмотря на мирную городскую жизнь и двадцать первый век, и даже на мультимедиа, на весь этот ваш телеком, на весь этот google и chrom... Будет чудно – проблемы исчезнут наверняка. Мы с Павликом тебе поможем, но резать ты будешь сама.

Она похлопала покрашенными ресницами, мол, не думай – я не шучу.

– Вы хотите сказать, акушер-гинеколог утверждает, что только один петух и работает в наше сложное время с гарантией?!

– А кто, как не акушер-гинеколог разбирается в том!

Алкоголь в моей голове зашумел, и сам собой сложился тизер к фильму о борьбе со злом: большая полукруглая надпись «На Коптевский за чёрным петухом», мы – на рынок, птица смешно крутит головой, сидя вместе с нами в машине, глупышка, потом лифт, белая ванная – льётся яркая кровь, а какой-то чёрный крузак летит в столб, всмятку, много неясного, мистического и недосказанного, киноплёнка обрывается, жизнь наша – фортуна, но ненадолго, а так – чуть-чуть. И как можно в это верить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.